

A vertical photograph of a narrow, wet street in Paris. The street is lined with tall, ornate buildings featuring wrought-iron balconies. On the left, shop windows are brightly lit, displaying various items. Three people are walking away from the camera on the wet pavement, which reflects the lights and buildings. The person in the foreground wears a red coat. The person in the middle holds a light-colored umbrella. The person further ahead is also carrying an umbrella. The sky is overcast and rainy.

Мария Морн

*«Контракт
на
капитуляцию»*

18+

Мария Морн

«Контракт на капитуляцию»

«Автор»

2026

Морн М.

«Контракт на капитуляцию» / М. Морн — «Автор», 2026

Пять лет назад в Париже гениальный архитектор Марк Вейн разбил сердце юной художнице Эмме Лоуренс, исчезнув без единого слова. Он превратил ее жизнь в пепел ради одной цели — изощренной мести ее отцу. Но судьба сталкивает их вновь под проливным дождем в Нью-Йорке. У Эммы через два дня важнейшая выставка в Сохо, а ее главный холст безнадежно испорчен. Единственный, кто может спасти ее карьеру — Марк, в чьем загородном особняке хранятся редчайшие пигменты красок. Он готов помочь, но его цена унижительна: Эмма должна подписать контракт и на месяц стать его личным ассистентом, выполняя любые прихоти. Запертые в уединенном поместье, они оказываются в ловушке безумного влечения и старых шрамов. Ситуация накаляется до предела, когда в доме появляется ревнивая невеста Марка, готовая на любые скрытые пакости, а Эмма решает отомстить, создав самый откровенный и порочный портрет своего мучителя. Сможет ли любовь созидать на осколках прошлого, или жажда вендетты сожжет их обоих дотла?

© Морн М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Привкус пепла и парфюма.	5
Глава 2. В золотой клетке памяти	7
Глава 3. Вкус предательства и контракт на подчинение	9
Глава 4. Чернила, массаж и яд в бокале	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

«Контракт на капитуляцию»

Глава 1. Привкус пепла и парфюма.

Холодный весенний дождь яростно барабанил по стеклам нью-йоркской кофейни, размывая огни мегаполиса в унылые серые пятна. Эмма плотнее запахнула тяжелый кашемировый кардиган. Она отчаянно пыталась согреться, но холод шел изнутри. Ее пальцы дрожали, оставляя влажные следы на фарфоровой чашке с остывающим латте. Через два дня должна была состояться ее первая персональная выставка в престижной галерее Сохо. Это был шанс всей ее жизни, путевка в высшую лигу арт-мира. Но прямо сейчас главная картина, которая должна была стать венцом экспозиции, лежала в мастерской безнадежно испорченной. Случайное пятно растворителя уничтожило центральную фигуру полотна, превратив месяцы работы в хаос.

Внезапно тяжелая дубовая дверь кофейни распахнулась. В полупустой зал ворвался порыв ледящего ветра вперемешку с брызгами дождя. В проеме выросла высокая фигура. Мужчина в безупречном черном пальто небрежным, властным жестом стряхнул капли с дорожного зонта. Он окинул помещение быстрым, сканирующим взглядом и уверенно направился вглубь зала. К единственному свободному столику. К столику, за которым сидела Эмма.

Она подняла взгляд от чашки, и воздух мгновенно вылетел из ее легких. Сердце сделало бешеный кувырок и замерло где-то в горле.

Это был Марк Вейн.

Человек, чье имя гремело на обложках архитектурных журналов. Гений, перекроивший силуэт Манхэттена. И ее личный, самый тщательно скрываемый кошмар. Пять лет назад в Париже он разбил ее жизнь на мелкие осколки, исчезнув из арендованной мансарды без единого слова, записки или звонка. Оставив после себя лишь простыни с его запахом и зияющую пустоту в ее душе.

— Вы позволите? — его голос ударил по оголенным нервам.

Он стал еще глубже, бархатнее и сексуальнее, чем в ее самых потаенных воспоминаниях. Марк сел напротив, даже не взглянув на деревянную табличку «Зарезервировано», которую Эмма предусмотрительно оставила для подруги. Он небрежно бросил тяжелые ключи от спорткара на полированное дерево стола. Затем поднял свои пронзительные, стальные серые глаза и в упор посмотрел на нее.

— Эмма? Какая неожиданная встреча, — уголки его губ тронула едва заметная, хищная усмешка. Он лениво окинул взглядом ее растрепавшиеся от сырости каштановые кудри, задержался на приоткрытых губах и спустился к судорожно вздымающейся груди. — А я был уверен, что ты давно покинула этот город.

— Я не обязана отчитываться перед тобой, Марк, — слова давались с огромным трудом. Горло пересохло. Ей стоило огромных усилий не сорваться на крик и не выплеснуть остатки кофе в это красивое, заносчивое лицо.

— Неужели? — Марк резко наклонился вперед через узкий столик, мгновенно сокращая расстояние между ними до опасного минимума.

В воздухе между ними затрещало осязаемое электрическое напряжение. Шум кофейни, звон посуды, гул проезжающих за окном машин — все это мгновенно растворилось. Существовал только он. Его горячее дыхание, шлейф дорогого кожаного парфюма с нотками табака и этот знакомый, гипнотизирующий взгляд, от которого по телу волнами разливался опасный жар. Пять лет разлуки испарились за долю секунды, обнажая старые шрамы.

— Ошибаешься, милая, — тихо, почти интимно произнес Марк. В его глазах блеснул темный, обещающий огонек, от которого у Эммы сладко потянуло вниз живота. — После

всего, что мы сотворили друг с другом в Париже... мы связаны намертво. И на этот раз я не позволю тебе сбежать.

Марк протянул руку и накрыл ее дрожащие пальцы своей широкой, горячей ладонью, властно прижимая их к столу. Эмму пробило мощным разрядом тока. Она хотела вырвать руку, но осталась сидеть на месте, не в силах разорвать этот порочный круг.

Глава 2. В золотой клетке памяти

Дождь за окном спорткара превратился в сплошную водяную стену, когда Марк резко повернул руль, сворачивая с автостреды на частную дорогу. Эмма до боли сжала пальцами кожаный край пассажирского сиденья. Она до сих пор не понимала, как поддалась секундной слабости и позволила увезти себя из кофейни. Марк предложил ей сделку, от которой зависела ее карьера: в его загородном поместье хранилась редчайшая, нетронутая серия красок, созданная по старинному французскому рецепту. Только с их помощью Эмма могла за одну ночь перекрыть испорченный растворителем холст и спасти выставку. Но цена этой помощи пугала её до дрожи.

Низкий рокот мотора стих, когда машина замерла перед массивным трехэтажным особняком из темного камня, скрытым среди вековых сосен Лонг-Айленда. Дом выглядел величественным, мрачным и абсолютно изолированным от внешнего мира.

— Приехали, — коротко бросил Марк.

Он вышел первым и, обойдя машину, резко распахнул перед ней дверцу. В руке он держал огромный черный зонт, но порыв ветра все равно швырнул брызги Эмме в лицо. Марк перехватил ее за талию, прижимая к своему жесткому телу, чтобы защитить от непогоды, и этот короткий контакт отозвался внизу живота Эммы знакомой, мучительной судорогой. Его ладонь сквозь тонкую ткань кардигана казалась обжигающе горячей.

Они вошли в просторный холл, где глухо потрескивал камин, отбрасывая длинные янтарные тени на мраморный пол. Марк небрежно сбросил пальто, оставшись в черной рубашке с расстегнутыми верхними пуговицами. Его серебряные глаза хищно сузились, когда он обернулся к Эмме.

— Добро пожаловать в мое логово, птичка, — в его голосе сквозила опасная ирония. — Располагайся. Нам предстоит долгая ночь.

— Хватит пафоса, Марк, — Эмма попыталась взять себя в руки, хотя сердце готово было выпрыгнуть из груди от давящей, интимной атмосферы этого места. — Где пигменты? Я хочу забрать их, вернуться в мастерскую и забыть этот день.

Марк медленно, по-кошачьи двинулся на нее, заставив Эмму отступать, пока ее спина не уперлась в холодную стену возле камина. Он заблокировал ее, уперевшись руками в стену по обе стороны от ее головы. Расстояние между их губами сократилось до нескольких сантиметров. Эмма чувствовала жар, исходящий от него, и знакомый шлейф табака и дорогой кожи.

— Никуда ты не поедешь, — прошептал он, и его взгляд опустился к ее подрагивающим губам. — Ты будешь работать здесь. В моей студии. Под моим присмотром.

— Почему ты это делаешь? — Эмма набралась смелости и посмотрела прямо в его стальные глаза. — Зачем этот спектакль спустя пять лет? Ты бросил меня в Париже без объяснений! Ты растоптал все, что между нами было!

Лицо Марка мгновенно ожесточилось, превратившись в холодную скульптурную маску. Его пальцы резко, но аккуратно перехватили ее подбородок, заставляя закинуть голову.

— Бросил? — его голос упал до опасного, леденящего шепота. — Ты действительно думала, что наша встреча в Париже была случайностью, Эмма? Что я просто влюбился в милую студентку Академии художеств?

Эмма затаила дыхание. Мир вокруг нее начал стремительно рушиться.

— Твой отец, — сквозь зубы процедил Марк, и в его глазах вспыхнула застарелая, выжженная ярость, — пять лет назад уничтожил строительную компанию моего деда. Он пустил мою семью по миру ради своего очередного контракта. Мой дед не выдержал и застрелился.

Эмма покачнулась, если бы не хватка Марка, она бы упала.

— Нет... это ложь... — выдохнула она.

— Это правда, — Марк наклонился еще ближе, так что его дыхание опалило ее кожу. — Я приехал в Париж с одной целью — уничтожить твоего отца через тебя. Влюбить тебя в себя, подчинить, а потом сломать тебе жизнь, чтобы он почувствовал мою боль. Мое исчезновение было идеальным финалом этой мести.

— Ты... чудовище, — из глаз Эммы брызнули слезы обиды и шока, но Марк не позволил ей отвернуться.

— Возможно, — его взгляд потемнел, наполнившись дикой, первобытной страстью, которая годами копилась под замком. — Но вот в чем загвоздка, милая. План сработал идеально. Кроме одной детали. Я так и не смог выжечь тебя из своего сердца. И сейчас, когда ты в моем доме, я возьму реванш.

Прежде чем Эмма успела вымолвить хоть слово, Марк резко впился в ее губы жестким, требовательным и невероятно страстным поцелуем, сметая все ее попытки к сопротивлению.

Глава 3. Вкус предательства и контракт на подчинение

Дикая, первобытная ярость обожгла Эмму изнутри, вытесняя шок. Вкус его поцелуя — горький, властный, пропитанный ароматом дождя и дорогого табака — больше не пьянил. Он ранил.

Собрав все оставшиеся силы, она уперлась ладонями в его жесткую грудь и резко, всем телом оттолкнула Марка. Тот не ожидал такого сильного отпора и отступил на шаг. Тяжело дыша, Эмма наотмашь влепила ему звонкую пощечину. Звук удара эхом разнесся по огромному холлу.

— Не смей! — выплюнула она, тяжело дыша. Ее губы горели, а по щекам все еще текли слезы, которые она даже не пыталась вытереть. — Ты использовал меня тогда, а теперь притащил сюда, чтобы продолжить свою грязную игру? Ты болен, Марк! Я не игрушка для твоей вендетты!

Марк медленно повернул голову обратно. На его идеальной скуле разгорался пунцовый след от ее ладони. В серых глазах не было злости — лишь холодный, расчетливый блеск хищника, загнанного в угол, но все еще контролирующего ситуацию. Он небрежно провел большим пальцем по своей нижней губе.

— У тебя сильный удар, птичка, — тихо произнес он, и в его голосе проскользнула опасная ухмылка. — Но эмоции не спасут твою выставку. Время идет. Часики тикают. Без моих пигментов твоя карьера художницы закончится, так и не начавшись. Твой отец банкрот, он тебе не поможет.

Эмма замерла, кусая губы. Он бил по самому больному. Она слишком долго шла к этой выставке, чтобы потерять всё из-за испорченного холста.

— Чего ты хочешь? — сквозь зубы спросила она. — Какова цена твоих красок?

Марк неторопливо подошел к массивному дубовому столу, взял хрустальный стакан и плеснул себе янтарного виски. Он сделал глоток, не сводя с нее гипнотизирующего взгляда.

— Условие простое, Эмма. Я даю тебе краски и лучшую мастерскую в этом доме. Ты спасаешь свою картину. Но взамен... ты подпишешь соглашение.

— Какое соглашение? — внутри у нее все сжалось от нехорошего предчувствия.

— Ровно на один месяц ты поступаешь в мое полное распоряжение, — отчеканил Марк, и его голос прозвучал как смертный приговор. — Ты будешь делать абсолютно всё, что я захочу. Жить здесь, сопровождать меня на мероприятиях, выполнять любые мои приказы. До последнего вздоха. Если откажешься — охрана выставит тебя за ворота прямо сейчас, под дождь. Без пигментов.

Эмма задыхнулась от возмущения. Это было унижительно. Это было безумием.

— Да как ты...

Договорить она не успела. Тяжелые двойные двери, ведущие в холл со стороны парадного входа, с грохотом распахнулись. В дом уверенным шагом вошла высокая, поразительно красивая блондинка. На ней было роскошное белое пальто, ни капли не пострадавшее от непогоды, а в руках она держала сумочку от Hermes.

— Марк, дорогой! — ее капризный, высокий голос мгновенно разрушил интимное напряжение, царившее в холле. — Почему твои люди не встретили меня у ворот? И что за ужасная погода на Лонг-Айленде...

Блондинка осеклась, заметив Эмму. Ее идеальные ухоженные брови поползли вверх, а взгляд наполнился ледяным презрением, когда она оценила промокшую одежду и растрепанный вид девушки. Она подошла к Марку и по-хозяйски положила руку ему на плечо, сверкнув огромным бриллиантом на безымянном пальце.

— Марк... КТО это? — требовательно спросила она. — И почему в нашем особняке находится посторонняя женщина за месяц до нашей свадьбы?

Мир Эммы перевернулся еще раз. Нашей свадьбы. У него была невеста.

Марк даже не вздрогнул. Он спокойно перевел взгляд с блондинки на побледневшую Эмму, и на его губах заиграла та самая, жестокая усмешка, которую она так ненавидела.

— Познакомься, Кристина, — ровным тоном произнес Марк, глядя Эмме прямо в глаза. — Это Эмма. Мой новый... личный ассистент. Она поживет в гостевом крыле ближайший месяц. У нас очень много незавершенных дел.

Глава 4. Чернила, массаж и яд в бокале

Кристина мерила холл шагами, и стук ее тонких шпилек отдавался в ушах Эммы сухими щелчками пистолетных выстрелов. Дорогой парфюм блондинки — удушливая смесь белых цветов и пудры — вытеснил из легких чистый запах дождя.

— Личный ассистент? На целый месяц? Здесь? — Кристина остановилась напротив Марка, скрестив руки на груди. Бриллиант на ее пальце пускал холодные, колющие зайчики по стенам. — Марк, это шутка? До нашей свадьбы осталось тридцать дней. Дизайнеры везут ткани для декора банкетного зала, флористы требуют утвердить концепцию арок, а ты приводишь в дом... это существо? Посмотри на нее, она же выглядит как промокшая бродяжка!

Марк даже не повернул головы в сторону невесты. Он продолжал смотреть на Эмму — в упор, не мигая, словно хищник, который уже прижал добычу лапой к земле и просто ждал, пока та перестанет дергаться.

— Кристина, дорогая, — его голос был тихим, но в нем прозвучал металл, заставивший блондинку мгновенно прикусить язык. — Я не обсуждаю свои деловые решения. Эмма мне нужна. На один месяц. И она будет жить здесь. Вопрос закрыт.

Он вытащил из внутреннего кармана пиджака, который висел на спинке стула, дорогую перьевую ручку и плотный лист бумаги. Эмма сразу узнала этот бланк — фирменная бумага его архитектурного бюро с тисненым логотипом в виде стилизованного крыла. Марк быстро набросал несколько строк от руки. Его почерк был размашистым, жестким, с острыми углами — под стать его характеру.

Он пододвинул лист по полированной поверхности стола прямо к Эмме.

— Подписывай, — коротко бросил он. — Или уходи. Эмма перевела взгляд на бумагу.

Текст был лаконичен до ужаса: *«Я, Эмма Лоуренс, обязуюсь в течение тридцати календарных дней оказывать Марку Вейну любые услуги ассистентского и личного характера по его первому требованию, без права расторжения договора в одностороннем порядке. Взамен получаю доступ к архивной коллекции пигментов "Vane & Co" и мастерской на территории поместья».*

Внизу уже стояла его размашистая подпись.

Ее пальцы дрожали так сильно, что она едва не выронила тяжелую ручку. Месяц. Тридцать дней ада. Подчинения человеку, который сначала разрушил ее веру в любовь, а теперь признался, что использовал ее ради мести отцу. Но перед глазами стоял ее испорченный холст. Персональная выставка в Сохо, к которой она шла всю свою жизнь, закладывая вещи, голодая, работая по ночам до кровавых мозолей на пальцах. Если выставки не будет — галерея выставит ей огромный штраф, а ее имя в арт-мире будет навсегда похоронено под ярлыком «неудачница».

Кристина презрительно фыркнула, наблюдая за ее колебаниями: — Она даже ручку держать не умеет. Марк, от нее не будет толку. Из какого подвала ты ее вытащил?

Этот высокомерный тон стал последней каплей. Эмма стиснула зубы. Она выпрямила спину, посмотрела Марку прямо в его стальные глаза и резко, рваным движением поставила свою подпись внизу листа.

— Отлично, — Марк забрал бумагу, даже не дав чернилам высохнуть, и спрятал в карман. На его губах заиграла едва заметная, торжествующая и жестокая усмешка. — Твои краски уже в мастерской на третьем этаже. Можешь приступать к работе. Но помни: контракт вступил в силу прямо сейчас.

Мастерская Марка оказалась огромной мансардой с панорамными окнами во всю стену, за которыми бушевала ночная гроза. Здесь пахло разбавителем, льняным маслом и старым деревом — этот запах немного успокоил Эмму, вернув ей чувство контроля. На массивном

мольберте уже стоял чистый подрамник, а рядом, на дубовом столе, ровными рядами были расставлены тяжелые стеклянные флаконы с притертыми пробками. Те самые легендарные пигменты Парижа, которые невозможно купить в обычном магазине. Их глубокий, бархатистый синий и приглушенный, почти живой багровый цвета могли спасти ее картину.

Эмма переоделась в простую рабочую одежду, которую горничная принесла ей по приказу Марка — безликие серые спортивные штаны и безразмерную футболку. Она забыла про сон. Забыла про усталость. Ее кисть летала по холсту, восстанавливая уничтоженные контуры, возвращая к жизни центральную фигуру полотна — обнаженную женщину, запутавшуюся в сетях из золотых нитей. Эмма вкладывала в каждый мазок всю свою ярость, всю боль от предательства Марка и унижения, которое ей пришлось пережить.

К трем часам ночи спина невыносимо затекла, а глаза слезились от напряжения. Эмма отошла от мольберта, чтобы сделать глоток воды из графина, который стоял на тумбочке у входа. Но стоило ей сделать глоток, как она закашлялась — вода имела странный, резкий химический привкус.

Она присмотрелась к графину в тусклом свете настольной лампы. На дне плавал едва заметный маслянистый осадок, а от горлышка пахло... отбеливателем. Кто-то намеренно подлил в ее питьевую воду чистящее средство.

Эмма похолодела. Кристина. Эта холеная кукла не собиралась устраивать открытых скандалов, она действовала тихой сапой, как змея, пускающая яд исподтишка.

Не успела Эмма прийти в себя от этой находки, как тяжелая дверь мастерской без стука отворилась. На пороге стоял Марк. Он уже снял рубашку, оставшись в одних черных домашних брюках. Его торс был идеальным — широкие плечи, рельефные кубики пресса, сухая кожа, под которой перекатывались тугие узлы мышц. Но Эмму пригвоздил к месту не его безупречный вид, а то, как тяжело и напряженно он дышал. Его плечи были сведены судорогой, а на шее вздулись вены.

— Эмма, — его голос прозвучал глухо, с хрипотой. — Оставь кисти. Твое первое задание по контракту.

Она сжала кулаки, пряча за спину ладони, испачканные в синей краске. — Что тебе нужно, Марк? Три часа ночи. Я работаю. —

Мне плевать, сколько сейчас времени, — он сделал три медленных шага вперед, сокращая расстояние между ними. От него веяло жаром и легким ароматом дорогого коньяка. — У меня приступ мигрени, а из-за чертовой погоды старая травма плеча дает о себе знать. Лопатку свело так, что я не могу повернуть голову. Ты сделаешь мне массаж. Прямо сейчас.

Эмма отступила на шаг, упершись бедром в стол с красками. — Я тебе не массажистка! Найми профессионала, у тебя для этого достаточно денег! Или попроси свою Кристину, она наверняка с радостью разомнет твои великие плечи!

Марк резко сократил оставшееся расстояние и перехватил ее за запястье. Его хватка была железной, но не причиняла боли — он просто фиксировал ее, не давая сбежать.

— Кристина спит в другом крыле под действием снотворного. И она не умеет делать то, что умеешь ты, — он наклонился к ее уху, и его горячее дыхание обожгло нежную кожу шеи. — Ты забыла Париж, Эмма? Забыла, как после долгих часов за мольбертом мы спасали друг друга от боли в мышцах? Ты прекрасно знаешь анатомию. И ты подписала контракт. Не заставляй меня напоминать тебе о штрафных санкциях.

Эмма попыталась выдернуть руку, но тщетно. В его глазах горело упрямство напололам с острой, осязаемой физической болью — она видела, как подергивался его левый глаз от невыносимой головной боли. Обида боролась внутри нее с профессиональным долгом художника, который слишком хорошо понимал, что такое мышечный зажим. И... где-то глубоко в душе, в самой темной ее части, вспыхнуло порочное, запретное желание снова прикоснуться к его коже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.